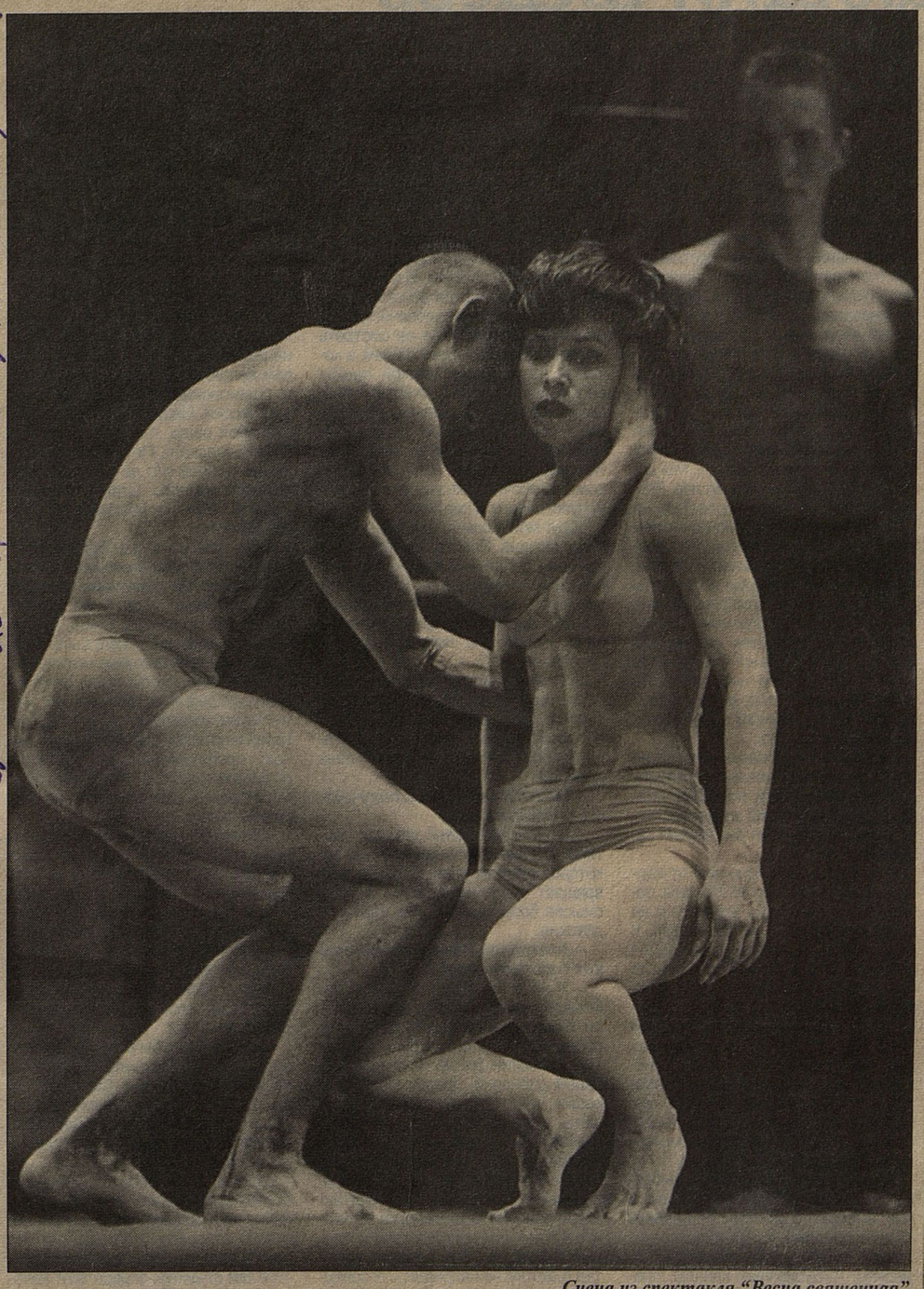
Обадья Режис 2.04.03.

Культура. – 2003. – 27 марта – 2 апр. – с. 13

"Взлом" становится традицией

Режис Обадья на босу ногу



Сцена из спектакля "Весна священная"

Французского хореографа Режиса Обадья в России помнят давно. Но его премьеру в Русском камерном балете "Москва" ждали с нетерпением, о котором он мог лишь мечтать во время своего первого приезда в Россию. Тогда, восемь лет назад, вместе с постоянной партнершей Жоэль Бувье он показывал на сцене Вахтанговского театра спектакль "Добро пожаловать в рай". Несмотря на все усилия Французского культурного центра, зал был далеко не полон и интенсивно пустел прямо по ходу спектакля: многие ждали рафинированного французского балета, а вместо этого получили жесткий "босоногий" дуэт с умопомрачительно красивыми поддержками, не имеющими никакого отношения к классическим "рыбкам".

Теперь слова "современный танец" никого в Москве не отпугивают – два дня в Российском Молодежном театре, арендованном для премьерного показа, был аншлаг: многим хотелось увидеть собственными глазами "копродукцию" лауреата международных конкурсов Dance Screen, Video Danse, Каннского фестиваля, обладателя Гран- при SACD, Prix de la SACEM, кавалера ордена Искусств и литературы Франции и отечественных танцовщиков. Тем более что Обадья для своего российского дебюта отважно выбрал "Весну священную" – самую желанную и, возможно, самую сложную балетную партитуру XX века, автоматически заставив себя соревноваться с Вацлавом Нижинским, Гленом Тетли, Мартой Грэм, Морисом Бежаром, Джоном Ноймайером.

Для того чтобы создать собственную версию "сакрального" спектакля (международное название балета Стравинского – "Le Sacre du printemps"), Обадья вслед за большинством предшественников отказался от славянского мифа. Вместо весенних российских просторов на сцене – обломок металлоконструкции, на земле вместо театрального муляжа травы – слой песка. Либретто, созданное специально для спектакля Обадья его женой Елизаветой Вергасовой, уточняет: "...Обнажено пространство. Обнажена душа".

Всякие уточнения, наводняющие либретто, – о техногенной катастрофе и постиндустриальном мире – лишние детали, отвлекающие от главного. В центре сцены – шесть танцовщиц в платьях винного цвета. Сбившись в кучку, они невнятно топчутся в центре, почти болезненно контрастируя с первыми музыкальными фразами, еще не предсказывающими сурового ритуального ритма. Но вместе с ударными, сметающими безмятежность первых весенних разливов, на сцене появляются шесть мужчин, чтобы волной набежать на бордовую группку и разбиться об нее волной. Невыносимый пафос слов, описывающих "таинства любви и мистический ужас бытия", в танце трансформируется в жесткий язык маленьких резких прыжков, жестких перегибов корпуса, силовых поддержек. Обадья сталкивает группы и растаскивает их, как сначала срывает платья с танцовщиц, а потом снова заставляет одеваться. Он тратит силы, пересказывая страшные сказки о бездушном мире, из которого нет выхода. Но следишь не за рассказами о "боязни заглянуть в глубины своей собственной души", а за красотой геометрических фигур, расположенных на скобах металлической стены, за энергией тел, покрывающихся слоем песка, за трансформацией хороводов, выбрасывающих из своего круга Избранника и Избранницу.

Обадья, приглашенный на постановку в Русский камерный балет "Москва" по инициативе артистов, сам превратился в избранника. Свой 35-минутный балет он поставил в рекордно короткие 35 дней. Свою "Весну священную" он сделал бенефисом труппы, заставив ее пережить успех, подобный тому, что она вкусила два года назад на премьере "Взлома", поставленного для нее голландцем Полом Селвином Нортоном.

Анна ГАЛАЙДА
Фото ИТАР-ТАСС

42